

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Андрей Юрьевич Виноградов

**ГРЕЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ НА СЕВЕРНОЙ ПЕРИФЕРИИ
ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА И ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В
ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ**

Резюме диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2020

Работа выполнена в Лаборатории лингвосемиотических исследований федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Публикации

На защиту выносятся перечисленные ниже семь статей. В трех из них А. Ю. Виноградов — единственный автор, во всех остальных — первый автор или автор-корреспондент. Все статьи входят в ведущие журналы, включенные в базы данных Scopus, WoS, четыре статьи опубликованы в журналах, входящих во 2-й квартиль в базах данных Scopus или WoS, одна — в журнале из перечня журналов высокого уровня, подготовленном НИУ ВШЭ.

1. Vinogradov A., Korobov M. Gothic graffiti from the Mangup basilica // *NOWELE*. 2018. Vol. 71. No. 2. P. 223-235.
2. Vinogradov A., Korobov M. The early Christian history of the Black Sea Goths in the light of new Gothic inscriptions from Crimea // *Byzantion: Revue Internationale des Etudes Byzantines*. 2019. Vol. 89. P. 33-48.
3. Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Бравлин — бранлив или кроток? // *Slověne*. 2017. Т. 6. № 1. С. 219-235.
4. Виноградов А. Ю. О христианской эпитафике Северного Причерноморья в новой книге В. П. Яйленко (В. П. Яйленко. История и эпитафика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. — VII в. н.э. СПб., 2017) // *Вестник древней истории*. 2018. Т. 78. № 3. С. 738-745.
5. Chitaia G., Papuashvili R., Vinogradov A. A new complex of Greek inscriptions from Machkhomeri fortress in Lazica // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2020. Bd. 214. S. 169–178.
6. Виноградов А. Ю. О хронологии русских митрополитов XI в. (по поводу новой гипотезы А. П. Толочко) // *Slověne*. 2019. Т. 8. № 1. С. 477-485.

7. Виноградов А. Ю., Гиппиус А. А., Кизюкевич Н. А. Надпись на плинфе из Гродно (Пс 46: 5) в контексте византийско-русских эпиграфических связей // *Slověne*. 2020. Т. 9. № 1. С. 427-436.

Результаты диссертационного исследования также представлены в следующих десяти статьях:

1. Vinogradov A., Korobov M. Gotische Graffito-Inschriften aus der Bergkrim // *Zeitschrift für Deutsches Altertum und Deutsche Literatur*. 2016. Vol. 145. P. 141-157.

2. Vinogradov A. St. Parasceve of Iconium and her "lost" Greek Acts // *Analecta Bollandiana*. 2013. Vol. 131. No. 2. P. 276-279.

3. Виноградов А. Ю. День освящения храма в традиции Восточной Церкви (IV–XIII вв.): стратегии выбора // *Средние века*. 2012. Т. 73. № 1-2. С. 154-177.

4. Виноградов А. Ю. Богородица-Заступница и заказчик: визуализация идеи небесного покровительства (Византия, Русь, Кавказ) // *Новое литературное обозрение*. 2021 (в печати).

5. Виноградов А. Ю., Добычина А. С. “Эринии и вакханки”. Кто стоял у истоков новой болгарской общности в 1185–1186 гг.? // *Slověne*. 2018. Т. 7. № 1. С. 41-54.

6. Виноградов А. Ю., Желтов М. С. «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х годов об отмене поста в праздничные дни // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2018. № 3(73). С. 118-139.

7. Виноградов А. Ю., Желтов М., свящ. Жизнь и смерть Феодорца Владимирского: право или расправа? // *Электронный научно-образовательный журнал "История"*. 2019. Т. 10. № 10 (84).

8. Виноградов А. Ю., Желтов М., свящ. Церковная политика Константинопольской патриархии при Мануиле I Комнине и кризис Русской митрополии в 1156–1169 гг. // *Электронный научно-образовательный журнал "История"*. 2019. Т. 10. № 9 (83). С. 1-18.

9. Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Готские граффити из Мангупской базилики // Средние века. 2015. Т. 76. № 3-4. С. 57-75.

10. Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Два критических отклика на публикацию готских граффити с Мангупа // Средние века. 2018. Т. 79. № 1. С. 176-188.

Апробация работы

Основные положения и результаты исследования обсуждались в 2014–2018 гг. на 50 международных конференциях, в их числе:

- The Goths revisited (2016)
- The Goths Compared: East Germanic communities between Balticum, Pontus and the West (2019)
- Vortragsreihe "Byzanz in Mainz" (2019)
- Συμπόσιον Βυζαντινής και Μεταβυζαντινής Αρχαιολογίας και Τέχνης (2019)
- Индоевропейское языкознание и классическая филология (Чтения памяти И. М. Тронского) (2018)
- «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе» (2016–2018)
- «Восточная Европа в древности и Средневековье. Античные и средневековые общности». Чтения памяти В. Т. Пашуто (2015–2019)
- Byzantinoslavica: Чтения памяти академика Геннадия Григорьевича Литаврина (2013–2019)
- «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (2017, 2019)
- Международный Петербургский исторический форум (2019)
- Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (2014, 2016, 2018)

Было сделано 55 устных и стендовых докладов.

1. Введение

Включенные в настоящую диссертацию статьи посвящены важной, но мало изученной теме — использованию греческого письма на северной периферии византийского мира: на Кавказе, в Крыму и в домонгольской Руси, в т.ч. в иноязычной, «варварской» среде. Использование и адаптация греческой письменности изучается на материале различных обществ и культур: Лазики, Абхазии, Алании, эллинизированного населения Северного Причерноморья, крымских готов, древнерусских княжеств. Исследуются преимущественно лапидарные надписи и рукописи (вещевая эпиграфика и сфрагистика не рассматриваются, так как в большинстве случаев невозможно стопроцентно доказать, что эти памятники создавались на территории рассматриваемых регионов [см., например, Vulgakova 2004]). На примере отдельных памятников рассматриваются три основных аспекта ее бытования: использование греческого как основного письменного языка, в т.ч. для богослужбных и коммеморативных нужд; использование греческого алфавита для передачи местных языков; использование греческих эпиграфических моделей при создании надписей на местных языках. Такой подход к греческому письму на северной периферии византийского мира применяется впервые, что придает **новизну** и теоретическую значимость данной работе.

Феномен греческой письменности на северной периферии византийского мира никогда не изучался теоретически, комплексно и компаративно. Между тем, между отдельными памятниками греческого письма в этом регионе выявляются существенные типологические сходства, заставляющие поднять вопрос о месте греческого языка и письменности в новообращенных общностях на северной периферии империи. Особенно актуально это для тех областей, где греческий был единственным письменным языком: Лазики, Абхазии (до середины XI в.), Алании, позднесредневековой Кабарды. Одновременно с этим изучение грекоязычных памятников на

северной периферии византийского мира позволяет получить новые данные по местным языкам (аланскому, адыгским, тюркским, крымско-готскому), включая их лексику и фонетику. С другой стороны, не менее важна и проблематика знакомства христианизированных северных «варваров» с памятниками греческой письменности, выявляющегося в текстах на местных языках. Впрочем, изучение взаимодействия греческой письменности с местными языками и письменными традициями требует для многих регионов (прежде всего, для Северного Причерноморья) внимательного изучения самой локальной греческой письменной традиции, включая ее язык и палеографию, в т.ч. с целью уточнения датировки памятников. Кроме того, изучение типологии греческих надписей позволяет лучше понять ее влияние на надписи на местных языках.

Актуальность исследуемой темы связана, в первую очередь, с недостаточной изученностью эпиграфических и литературных текстов византийского периода на греческом языке или греческим алфавитом на Кавказе, в Северном Причерноморье и домонгольской Руси. Так, для Руси отсутствует корпус греческих надписей, а корпус Т. Каухчишвили по Грузии [Kauchtschischwili 2009] содержит серьезные ошибки. Греческое письмо на Северном Кавказе изучалось почти исключительно в связи с Зеленчукской надписью, тогда как остальные надписи и тексты на бумаге не изучались вообще. Кроме того, данные греческих текстов весьма важны для реконструкции культурно-исторической ситуации в тех регионах, где зачастую не было собственной письменности. Наконец, установление правильного чтения греческих текстов и корректная их интерпретации значимы для преодоления националистических мифов, особенно на Кавказе.

В работе применены **методы** различных дисциплин. Для надписей это методы эпиграфической типологизации, текстологии и формульного анализа, для литературных текстов — литературоведения и текстологии. Тексты на греческом и других языках изучались также методами лингвистики. Для

изучения контекста возникновения надписей также активно привлекались методы архитектурной археологии, для рукописей — кодикологии, для надписей и рукописей — палеографии. Большое значение в работе придается междисциплинарному подходу, особенно в изучении эпиграфических текстов.

Цель диссертации — реконструкция процессов распространения греческой письменности на северной периферии византийского мира и ее взаимодействия с иноязычной средой. Для достижения данной цели в работе реализуются следующие задачи:

- выявление памятников греческой письменности на северной периферии византийского мира;
- палеографический, текстологический и лингвистический анализ выявленных текстов;
- выявление памятников негреческой письменности на северной периферии византийского мира, испытавших на себе влияние греческой письменной культуры и его анализ.

Предмет исследования — феномен греческой письменности на северной периферии византийского мира и ее функционирование в иноязычной среде. **Объект** исследования — греческие надписи и рукописи из указанного региона, а также происходящие отсюда же греческие надписи и рукописи, которые испытали влияние греческой письменности.

По результатам исследования на защиту выносятся следующие научные положения:

1. Греческий был единственным письменным языком для христианской Лазики V–VII вв. (как эпохи Лазского царства, так и времени византийского владычества), Абхазии VI — середины XI в. и Кабарды XIV–XVII вв. В этих регионах он использовался как язык эпиграфики и богослужения местных Церквей, подчиненных Константинопольскому патриархату.

2. В Алании произошла настоящая адаптация греческого письма для местного языка, которую облегчила, возможно, его принадлежность к индоевропейской семье. При этом греческий алфавит использовался для записи аланского как в эпиграфике (хотя вопрос о аланоязычности Зеленчукской надписи должен быть рассмотрен заново), так и в пергаменных рукописях (правда, только для глосс). Подобным же образом греческий алфавит был приспособлен в позднее Средневековье для точнее не определяемого северокавказского тюркского языка.

3. В Кабарде XIV–XVII вв. записанные греческим алфавитом литературные и эпиграфические тексты на греческом и точнее не определяемом северокавказском тюркском языке несут на себе следы влияния вокализма адыгских языков (смещение *e* и *i*, *o* и *u*). Кроме того, случай такой рукописи конца XVII — начала XVIII в. демонстрирует непонимание греческого оригинала и магическое отношение к его произношению.

4. В Северном Причерноморье греческая письменность была доминирующей и демонстрирует в эпиграфике широкий набор типов и формул надписей, тесно связанный с традицией остальной империи, но обладающий своей локальной спецификой. Четкие диалектные черты здесь не выделяются.

5. В Горном Крыму греческая письменность не смогла окончательно вытеснить готскую, памятники которой известны и в высокое, и в позднее Средневековье. Однако греческие литературные и эпиграфические формулы значительно повлияли на письменных крымских готов.

6. В Крымской Готии наблюдается феномен вторичного влияния греческого письма на готское, когда акронимы для греческих богословских формул составлялись из готских букв, идентичных по написанию или звучанию греческим. Данный феномен связан, вероятно, с «никеизацией» севернопричерноморских готов в рамках миссионерской политики Иоанна Златоуста.

7. В домонгольской Руси греческий имел широкое распространение как язык храмовых граффити, причем палеография показывает, что они выполнялись как греками, так и выучивший греческий славянами. Часть этих граффити имеет литературный характер.

8. В ранний период существования Русской Церкви греческий эпиграфический узус оказывал влияние и на славянскую надписи. Так, только византийским влиянием можно объяснить появление и формулу уникальной для Руси надписи об освящении Св. Софии Киевской в 1052 г.

2. Греческая письменность на Кавказе

Статья, выносимая на защиту: [Chitaia, Papuashvili, Vinogradov 2020].

2.1. Лазика и Картли

Если христианизация Восточной Грузии (Иберии-Картли) происходила преимущественно из Сирии, то Восточное Причерноморье, включая Лазику, было больше связано с церковной традицией Константинополя и Малой Азии. Поэтому не удивительно, что с самого момента окончательного принятия христианства в конце V — начале VI в. языком Церкви и культуры здесь становится греческий. Митрополия Лазики с центром в Фасисе и пятью епископиями-суффраганами была включена в структуру Константинопольского патриархата, а ее митрополит Кир был в VII в. одним из ведущих византийских богословов [Виноградов, Гугушвили 2015].

До 2018 г. из памятников лапидарной эпиграфики Лазики были известны только надписи из церквей VI в. в Сепиети (с обращением ктитора Филоктиста к святому Стефану и всем святым) и Вашнари (ныне в музее Озургети) [Kauchtschischwili 2009, № 77, 97] и ни одного комплекса надписей. Новый комплекс греческих надписей из базилики в крепости Мачхомери представляет собой уникальное свидетельство христианизации Лазики в VI в.

Три лапидарные надписи из Мачхомери имеют разный характер: одна — инвокативно-строительный, другая — инвокативно-запретительный, третья — запретительный. Все они выполнены в эпиграфическом стиле середины VI — 1 половины VII в., но разными резчиками, у которых особенно различалась форма эпсилона: каплевидная (в т.ч. с разрывом сверху), прямоугольная и ромбовидная, что говорит о знакомстве Лазики с разновидностями эпиграфического дукта. Свидетельством распространения в Лазики греческого письма следует считать и граффити на плите, возможно, учебные, где также варьирует форма альфы: с ломаной перекладиной (как лапидарных надписях Мачхомери) и с петлей. Следует обратить внимание также на имена дедикантов: Горгоний и Феона, которые, как и в случае Сепиети, имеют не

локальное, а христианское происхождение. Немаловажны параллели формулам надписей Мачхомери в эпиграфических традициях Малой Азии и Востока (Аравии и Сирии), которые могут указывать на происхождение ктиторов и резчиков.

2.2. Абхазия

В ранневизантийский период греческий язык был единственным письменным на территории Абасгии и Апсолии, как и в Лазике. От раннего периода нам известны фрагмент лапидарной надписи из Цандрыпша, с упоминанием Абасгии, и мозаичная надпись из храма № 2 в Пицунде, с посвящением некоего Орела (фрагмент эпитафии из октагона Севастополя-Сухуми не относится к византийской эпохе) [Хрушкова 2002, 79–83, 169–170, 231–236].

Аналогичная ситуация сохраняется и в период независимого Абхазского царства (787–1000 гг.). После его возвращения к союзу с империей в 880-е гг. мы видим здесь исключительно греческие надписи, особенно в его столице — Анакопии: надгробие (929 г.) клирика Анакопийской архиепископии, вероятно, тождественной Севастопольской архиепископии Константинопольского патриархата (упоминается в *Notitiae episcopatum* вплоть до XII в.), а также надписи на храмах св. Симона Кананита (с вероятной датой его строительства — 899 г.) и св. Феодора (X (?) в.; об освящении церкви при архиепископе Михаиле, вероятно, Севастопольско-Анакопийском) (см. Прил. 11). Особенно показательна надпись абхазского царя (вероятно, Георгия II) из храма в Бамборе, где этот независимый правитель предпочитает представляться византийским титулом магистра [Виноградов, Белецкий 2015, 164–165].

Последний период бытования греческой письменности в Абхазии связан с эпохой Анакопийской фемы середины XI в. На территории Анакопии и ее ближайших окрестностей нам известно два комплекса греческой эпиграфики (подр. см. Прил. 11). Первый состоит из лапидарных надписей, найденных

монахами на Анакопийской горе и вмурованных в стенку в алтаре храма Св. Феодора.

Надпись 2 грубо вырезана на вторично использованной плите с изображением креста, льва и быка X в. Она сообщает о возобновлении цистерны при императоре Константине Мономахе: действительно, камень был снят со стены цистерны для собирания дождевой воды. Судя по именам строителей, протоспафария Евгения Деспота и таксиарха Касы Феодора Валанта, надпись была поставлена в феврале того же года, что и № 3, т.е. 1046 г. Вообще, две этих надписи настолько схожи по почерку, что они явно выполнены одним резчиком.

Надпись 3 также грубо вырезана на плите с изображением креста. От текста, датированного мартом 1046 г., сохранилась только нижняя часть. Сохранившиеся строки представляют собой окончание строительной надписи, а именно ее датировку, которая, однако отличается от датировки в № 2: здесь упомянут не один Константин Мономах, а «самодержцы», т.е. Константин и Зоя; между императорскими чиновниками Евгением и Феодором добавлено имя Альды — вдовы грузинского царя Георгия I, которая передала византийцам Анакопию ок. 1030 г. Трудно сказать, к какому зданию относится данная надпись. Протоспафарий Евгений был, по всей видимости, стратигом фемы: по крайней мере, Николай, стратиг Сотириуполя и Анакопии, был также протоспафарием. Две надписи за два месяца могут означать, что он прибыл в Анакопию ненадолго, для срочного проведения ремонтных работ. Появление же турмарха Касы в Анакопии объясняется, что для обороны фемы Анакопия империи требовались войска, и для этого из фемы Харсиан в Малой Азии туда была переведена турма Касы (это, кстати, самое позднее ее упоминание).

Надписи на храме св. Симона Кананита — граффити, которые вписаны в пределы отдельных квадров и сосредоточены в восточной части храма, что типично для средневековых граффити, расположенных обычно ближе к алтарю. Это прошения об упокоении и помощи, причем одно, скорее всего,

содержит упоминание протоспафария Евгения Деспота, от лица которого были поставлены в 1046 г. надписи № 2 и 3. Кроме надписей, на стенах храма есть граффити с изображениями крестов, кораблей, животных и т.п.

Помимо важных исторических данных, анакопийские надписи дают нам информацию о том, что до середины XI в. греческий оставался единственным письменным языком на территории Абхазии. Объяснение этому надо искать в принадлежности этой территории Севастопольской архиепископии Константинопольского патриархата, исчезнувшей к концу XI в. Более того, греческие надписи 1046 г. сознательно подчеркивают власть империи над Анакопией.

2.3. Северный Кавказ

После христианизации Алании в начале X в. греческий стал первым и единственным письменным языком на бесписьменном Центральном Северном Кавказе. Греческий алфавит стал использоваться здесь не позднее XIV в., а, возможно, и ранее, для записи коротких текстов (памятных надписей, календарных помет) на аланском языке. Письменность у алан-христиан (отличаемых от асов) упоминается также в приписке начала XV в. в армянской рукописи из Крыма [Малахов 2018, 89].

Паримиологий БАН гр. Q 12 1275 г. с аланскими схолиями конца XIII — XIV в. [Lubotsky 2015] свидетельствует, что в это время аланы продолжали совершать богослужения, в т.ч. полного годового круга, хотя клирик — автор схолий, уже не понимал всех греческих обозначений праздников. Среди этих схолий присутствуют не только простые переводы или переложения названий праздников, но и некоторые интересные термины, касающиеся ранней истории Алании.

Петербургские схолии — единственный точно датированный аланский текст, написанный греческими буквами, потому что знаменитая Зеленчукская надпись [Zgusta 1987], известная только по рисунку, точно не датирована. Ее точное прочтение затрудняет пропажа не только оригинального камня, но и ее

зарисовки, с которой нами было обнаружено три копии. Анализ текста, содержащего греческие формулы и аланские имена с патронимиками, показывает, что Зеленчукскую надпись нельзя считать явным памятником аланской письменности.

Напротив, на каменной стеле с изображением креста, известной тоже только по рисунку XIX в. [Помяловский 1881, 8, № 12, табл. 3], мы впервые прочли слово ΔΖΟΥΒΑΡ (= осет. дзуар «крест, святилище» < груз. džvari «крест»), которая — в форме τζουβάρ и со значением «крест» — присутствует также в аланской глоссе упомянутого паримиология (л. 109 об.).

Даже после разгрома Тамерлана и исчезновения высшей византийской церковной иерархии на Северном Кавказе греческий язык еще долгое время использовался здесь для создания лапидарных надписей (Прикубанье, 1435 г.; Белореченская, 1468 г.; Тамань, 1590 г.; Кантышево, 1591 г.; Тимур-Кубчек, 1623 г.) и амулетов, без которых местные жители не выходили из дома и не садились верхом [Reineggs 1796, 280]. Одной из причин этого было сохранение в этом регионе рядового православного священства, что прослеживается в том числе в перечисленных надписях.

В 2017 г. в собрании А. С. Фирковича Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге мы обнаружили позднюю греческую рукопись (ф. 946, оп. 1, д. 1093) конца XVII — начала XVIII в. Два похожих листа находятся в фонде А. М. Шёгрена Национальной библиотеки Финляндии в Хельсинки (ф. 209, коробка 19, конверт «Бек-Мурзин, Н.Ш.»). Рукопись Шогенова представляет собой фрагменты сокращенного греческого лекционария (апракоса), который содержал выписанные несколько беспорядочно и с повторами евангельские чтения на утрени и литургии важнейших праздников (Рождества, Благовещения, Преображения), воскресные, общие святым (мученикам) и, возможно, постовые, а также календарь с тропарями избранным праздникам и святым и пасхалией.

Греческий текст содержит многочисленные отступления от нормы: смешение схожих позднеминукульных букв, перестановку букв, гаплографию, пропуск букв, слогов и целых слов, особенно часто на стыке гласных в начале слов и вставку лишних букв. Часть отклонений связана с тем, что писец воспринимал каждую букву по отдельности. Однако основная часть отклонений от нормы имеет регулярный характер и касается вокализма: повсеместно взаимозамещаются звуки *e* и *i*, *o* и *u*. В области консонантизма отклонения намного более редки, что можно объяснить лучшей восприимчивостью к разнице в согласных у носителя кабардинского языка с его богатейшим консонантизмом.

Особый интерес представляет текст на последнем листе из 12 строк. Внимательное рассмотрение позволило определить, что эта часть написана по-тюркски и представляет собой христианское поучение, которое, впрочем, могло служить и для магических целей. Караманлийские тексты, записанные греческими буквами на турецком языке, хорошо известны и неплохо изучены. Однако тюркский текст в рукописи Шогенова значительно отличается от них и в языковом, и в орфографическом отношении. Во-первых, по языку текст, несомненно, является не турецким, а отражает некий кыпчакский диалект. Более пристальное рассмотрение позволяет сделать вывод, что этот кыпчакский диалект обнаруживает большую близость к современному крымскотатарскому языку, чем к тюркским языкам Северного Кавказа. В то же время не исключено существование на Северном Кавказе в период составления текста исчезнувших на сегодня переходных диалектов, которые, сближаясь с крымскотатарским языком, не входили напрямую в его систему. В тюркском тексте наблюдаются те же отклонения в использовании гласных, что и в греческом, так что гипотеза о влиянии на орфографию специфической фонетики родного языка автора представляется весьма перспективной.

Самым интересным фонетико-орфографическим явлением, которое одинаково проявляется и в греческом, и в тюркском текстах, является

смешение написаний, служащих для передачи, с одной стороны, гласных среднего подъема *e*, *o* и, с другой стороны, гласных верхнего подъема *i*, *u*. Поскольку сама рукопись происходит с территории Кабарды, мы можем объяснить это явление влиянием кабардинского языка, который характеризуется свойственной всем адыгским языкам бедностью вокализма. Интерференция родного кабардинского языка создателя текстов, видимо, мешала ему различать некоторые греческие и тюркские гласные, что и является причиной отмеченного явления.

Примечательно, что в двух вышеупомянутых монументальных надписях из Кабарды XVI–XVII вв. («Дука-Бек» и «Эльхотовский крест») мы находим аналогичное смешение *e* и *i*: εκκειμεθε = ἐκοιμήθη, Γεοργεου = Γεωργίου; υκκ[ι]σθ[η] = ἐκοιμήθη. Но имеются такие примеры и раньше, например, в надписи из Краснодарского музея, выполненной до 1392 г.: δολος τοῦ θεοῦ ἱερεός = δοῦλος τοῦ θεοῦ ἱερεύς [Латышев 1915, 37–38]. Этот факт показывает, что в Кабарде, по меньшей мере, с XIV в. греческие тексты могли записываться фонетически.

В XIX в. греческие рукописи продолжали бытовать на Кавказе [Малахов 2015, 341–369]. В 1849 г. тот же Фиркович получил от майора Атажуко Абукова в Абуковском ауле на р. Подкумок копию с манускрипта, снятую за Кубанью и схожую «как почерком, так и содержанием» с рукописью Шогенова. Десятью годами ранее Д. Кодзоков приобрел в Ардоне «книгу шогенов (древнего духовенства) на неизвестном языке», в которой были «начертания чисто греческие с примесью нескольких слов тарабарской грамоты».

1. Греческая эпиграфика в византийском Северном Причерноморье и ее взаимодействие с готской письменностью

Статьи, выносимые на защиту: [Виноградов 2018; Виноградов, Коробов 2017; Korobov, Vinogradov 2018; Korobov, Vinogradov 2019]

3.1 Греческие надписи византийского Северного Причерноморья

Византийские надписи — основной источник наших знаний о бытовании греческой письменности в средневековом Северном Причерноморье: происходящие отсюда рукописи изучены слабо [см. Stefec 2014], а содержащиеся в них тексты не отражают местной специфики, за исключением приписок «Сугдейского синаксаря», тщательно изученных М. Нистазопулу [Νυσταζοπούλου 1965, 111–160].

Все памятники византийской эпиграфики Северного Причерноморья (т.е. все греческие надписи с V в. по 1475 г. и эпиграфические памятники IV в. с христианской символикой), собранные нами в первый полный корпус (IOSPE³ V, см. прил. 12)¹, могут быть распределены последовательно по 6 регионам, представляющим собой географические и/или историко-культурные единства (названия их условны): Устье Днестра, Херсон и Гераклейский полуостров (от Черной речки до мыса Феолент), Горный Крым (т.е. Юго-западный Крым за исключением Херсона в вышеописанных границах), Южный берег Крыма, Керчь, Таманский полуостров и Кубань.

Типы (соответствующие функциям) византийских надписей значительно отличаются от античных, однако единой общепринятой типологии в византийской эпиграфике не существует. Поэтому мы предлагаем свой вариант типологии, учитывающий особенности северопричерноморской эпиграфики. К последним относятся полное исчезновение общественных надписей любого рода (полисных и имперских), увеличение удельного веса

¹ Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Editio tertia. Vol. V. Inscriptiones byzantinae / Ed. A. Vinogradov (<https://iospe.kcl.ac.uk/5/toc-ru.html>). Addenda et corrigenda см. в [Виноградов 2019].

инвокаций (со средневизантийского времени) и граффити, а также появление новых типов: речь идет, прежде всего, о надписях с компактными устойчивыми фразами. Некоторые из этих фраз легко определить как апотропеические, некоторые представляют собой уникальные для эпиграфики литургические формулы, точное назначение которых в надписи неизвестно; наконец, некоторые формулы литургического и иного происхождения иногда сопровождают надписи других типов, но часто встречаются и самостоятельно — такую их функцию мы условно называем демонстративной, т.е. направленной на демонстрацию некой формулы, где точная функция этого акта остается неясной (но, в любом случае, не литургической). В особые типы мы выделяем подписи к рельефным изображениям, не носящие посвятельный характер, а также владельческие надписи.

Вопрос палеографии — один из самых сложных и малоизученных в византийской эпиграфике, по сравнению с античной: лишь недавно стали появляться первые обобщающие работы, учитывающие, однако, лишь определенные регионы христианского мира [Morss 2003]. В отношении ранневизантийского Северного Причерноморья невозможно говорить о единой школе палеографии — скорее, речь должна идти о двух локальных традициях: херсонской и боспорской (подр. см. Прил. 8). Одной из главных проблем в изучении ранневизантийской палеографии Херсона является малое число датированных надписей. В средневизантийских надписях можно выделить несколько стилей, иногда переходящих границы регионов, прежде всего, боспорский и херсонский, возникшие под влиянием Малой Азии. Еще меньше единообразия демонстрирует палеография XIII–XV вв., распадающаяся на несколько локальных, недолго существовавших школ: прибрежную, горно-крымскую XIII–XIV вв., ранне- и позднефеодоритскую.

Греческий язык византийских надписей Северного Причерноморья, в общем и целом, соответствует тому, что мы знаем о развитии греческого языка

в IV–XV вв. [Holton 2019]. Главный вопрос, который возникает при его анализе, следующий: является ли то или иное отступление от языковой нормы общим явлением или следом «варваризации» греческого языка в контактной зоне Северного Причерноморья? Параллельно необходимо оценить и ряд черт на предмет, являются ли они диалектными.

Язык надписей можно оценить по двум основным критериям: фонетике, особенности которой проявляются чаще всего в орфографии, и грамматике, прежде всего, морфологии. От анализа синтаксиса нам приходится здесь воздержаться в силу подавляющей формульности синтаксиса византийских надписей.

Часть фонетических особенностей язык византийских надписей Северного Причерноморья унаследовал еще от поздней античности, например, передачу латинского звука *b* бетой, имя Σαμβάτιος вместо Σαββάτιος. На собственно же византийском этапе фонетика этих надписей проходит три основных этапа. На первом, который прослеживается в Херсоне и Пантикапее, мы наблюдаем полную утрату гласными долготы и превращение дифтонга *ai* в *e*, однако эта используется для передачи звуков *e*, и *i*; *ei* в одном случае может передавать то по-прежнему дифтонг *ei*, то звук *i*. Исходя из датировки таких примеров, данный этап следует относить к IV–V вв., а не к VI–VII, как считал Латышев.

На втором этапе фонетика надписей приобретает все классические черты итацизма, за исключением перехода ипсилона в звук *i*. Первый датированный пример этого этапа относится к 487–488 гг. Не до конца ясной остается судьба дифтонга *oi*, который уже в римское время стал передавать тот же звук, что и ипсилон: первый пример его произнесения как *i* датируется в Северном Причерноморье 906 г. Наконец, где-то с IX в., параллельно с остальной территорией Византии, происходит переход на передачу ипсилоном звука *i*.

Из фонетических особенностей гласных отметим в Белгороде XV в. формы βηθεία и αὐφέντος, ἀφεντίας, в Горном Крыму начала XIV в. — Μέου вместо Μαΐου. В Горном Крыму и на Южном берегу в X в. фиксируются формы γενοαρ[ί]ο и Φ[εβ]ροαρήο. Все они не выходят за рамки общевизантийских процессов [см. Holton 2019, 6–111].

Общее для поздней Византии частое смешение номинатива и аккузатива отчасти вызвано утратой звучания конечным ню в аккузативе [ср. Holton 2019, 164–185]. Отметим и выпадение звука *n* в формах part. praes. и aor. act. -οντ- и -αντ-; то же происходит и в форме πάντας и в имени Ἀρχοντίσσας. Однако это не диалектизм, а тоже общевизантийское явление [Holton 2019, 156–159]. Столь же регулярным является выпадение мю в названиях месяцев на –μβριος [ср. Holton 2019, 159–161]. Примечательна форма ἐφώνεψαν вместо ἐφόνευσαν, также с закономерным переходом [см. Holton 2019, 191].

Специфическим для Северного Причерноморья явлением можно считать только поздневизантийскую мену теты и тау: τοῦθο (IOSPE³ V 108; Херсон, XIV в.), ἐτελιότη (IOSPE³ V 188; Мангуп, XIV–XV вв.), известную также на Северном Кавказе, однако материал здесь статистически явно недостаточен. Ср. также имя Τηλεχλις вместо Τηλεκλις (?); обратная замена — имя Σωτήρικος вместо Σωτήριχος в поздневизантийском Горном Крыму (хотя это может быть и отдельное имя).

Мы не отмечаем специально такие рядовые для византийских писцов орфографические ошибки как итацизм, гаплография и диттография. Впрочем, здесь стоит устойчивую форму ἀννάλαυσον в Херсоне, а также κατάκίτε на Боспоре (чередуются, впрочем, с κατάκίται). К той же категории ошибок относится смешение схожих в написании букв, например, лунарных эпсилона и сигмы и позднее неправильное написание дифтонгов, например, ωυ, βοῦθη.

Главным изменением среди имен существительных следует, видимо, считать общее для всей поздней античности стяжение окончаний личных имен на -ιος [см. Тохтасев 2007]. В надписях встречаются случаи замены

местоимения οὗτος и его производных вернакулярными формами: τοῦτος и τοῦτοι; του вместо αὐτοῦ [ср. Holton 2019, 952–968]. В Херсоне XII в. засвидетельствована хорошо известная (134 примера в базе данных Thesaurus linguae graecae) вернакулярная форма διώχων вместо διώκω.

Относительно глагола можно отметить аорист без приращения ἐνκενυάσθη (ср. πέξε в надписи из Курджиповской) [см. Holton 2019, 1394–1433]. Главное же изменение здесь касается управления. Глагол σῶζω может управлять генитивом; глагол εὔχομαι — аккузативом, в значении «молиться о ком-то». К сложным случаям относится управление при слове διαφέρων: если оно воспринимается как причастие, то управляет дативом, а если — как существительное (что чаще), то генетивом, что имеет параллели в византийской эпиграфике. Теряют «нормативное» падежное управление и предлоги: так, предлог σύν может управлять генетивом. При существительных сбивки в падежах редки, но бывают: см. типичный для Византии аккузатив вместо генетива в IOSPE³ V 229.

Подводя итог, можно констатировать, что язык византийских надписей Северного Причерноморья близок койне, однако содержит ряд специфических черт, ни одна из которых не может, впрочем, считаться диалектизмом. Черт, характерных, для позднейшего диалекта крымских греков, в надписях также не обнаруживается. Отклонения же от литературной «нормы» объясняются общими процессами развития греческого языка, осложненными в Северном Причерноморье постоянной «варваризацией» местного населения, которая отразилась также в приписках «Сугдейского синаксаря» [Νυσταζοπούλου 1965, 111–160].

3.2. Взаимодействие греческой и готской письменности в Крыму

Между археологическими свидетельствами пребывания готов в Крыму в эпоху поздней античности и «IV Турецким письмом» О. де Бусбека, которое в середине XVI в. фиксирует крымско-готский язык как живой, зияет тысячелетняя лакуна, в которой мы встречаем преимущественно лишь

хороним Готия, причем чаще всего — для обозначения епархии Константинопольского патриархата в Юго-Западном Крыму. Даже сам этноним «готы» употребляется в это время крайне редко: так, в «Житии Иоанна Готского» [Auzery 2006] он появляется лишь однажды, в самом начале (гл. 1), да и то в словосочетании «страна готов», тогда как далее везде говорится просто о «Готии» (гл. 1, 2, 4), ее жителях, православных, господине, архонтах и т.п.

Заполнить эту лакуну отчасти помогают немногочисленные готские топонимы и личные имена. К последним может быть добавлен *Ἰρπανα* < гот. **Airpa* (основа на *-n-*) «темный, карий» (ср. *Χοῦτάνη* < гот. *hweita* «белый» в IOSPE³ V 176) из мариампольской надписи конца XIII – начала XIV в. (IOSPE³ V 197). Кроме того, в христианском греческом надгробии из Пантикапея (IOSPE³ V 272), датируемом по палеографическим признакам IV в. и происходящем из склепа на северном склоне г. Митридат, где в IV–V вв. находились захоронения представителей боспорской элиты, имя умершего записано как *Βανφαρηξ* — оно может быть готским, оканчивающимся на *-reiks* (ср. гот. *reiks* = греч. ἄρχων ‘правитель’), весьма частотный второй элемент в германских двусоставных личных именах. При ином толковании *ρήξ* можно рассматривать как титул, и в таком случае *Βανφα* будет допустимо сравнить с готским личным именем *Wamba*; этимологически к гот. *wamba* f. = греч. γαστήρ, κοιλία «живот, чрево»). Еще одно надгробие из Пантикапея (IOSPE³ V 296), палеографически датируемое IV–VI вв., фиксирует негреческое имя *Αβικα*, которое при ближайшем рассмотрении также может оказаться готским: **Abika* (вероятно, диминутив от сложного имени с первым элементом к гот. *aba* = греч. ἀνὴρ «муж»).

Напротив, из числа возможных готских имен в Крыму следует исключить Бравлина. Варварский вождь из первого посмертного чуда в «Житии св. Стефана Сурожского» в древнерусском переводе называется Бравлинъ, а в армянском — Պրաւլի (Praulis или Braulis). Эти формы

заставляют реконструировать в утраченном греческом оригинале жития форму Μπραῦλις. Попытки этимологически сблизить это имя с различными словами и именами: с древнерусским бран(ъ)ливъ (списки древнерусского перевода жития), со шведским топонимом Bråvalla, с индоарийским *pravlīn(a)-, с именем епископа Сарагосы Braulio, с готским именем *Bra(h)vila, реконструируемым М. Шёнфельдом, по лингвистическим соображениям не могут быть признаны безупречными. Засвидетельствованное в поздневизантийское время позиционное озвончение начального Π- позволяет осторожно предположить в качестве источника для имени героя хорошо известное греческое имя Праῦλις (от праῦς «кроткий, смирный»).

Одна из главных загадок — статус готского языка в крымской Готии. *Communis opinio* на сегодняшний день склоняется к тому, что это был разговорный язык крымских готов, наряду с греческим и — где-то с XIII в. — татарским, в то время как языком культуры, т.е. письменности и богослужения, был здесь греческий [Ганина 2011, 39]. В пользу этого говорило отсутствие любых свидетельств записи готских слов в Крыму посредством какого-либо алфавита, греческого (как это было, например, у кавказских алан) или готского: последняя возможность даже не рассматривалась учеными, так как алфавит Вульфилы, созданный в середине IV в. на Нижнем Дунае, материально фиксируется только в Паннонии и Италии, т.е. распространялся лишь на запад, и выходит из практического употребления после разгрома византийцами остготской державы в середине VI в.

В 2000–2010-х гг. мы обнаружили в фондах Бахчисарайского музея-заповедника два фрагмента вторично использованного карниза с готскими граффити: четыре на камне I и одно на камне II, причем они первичны по отношению к греческим граффити, которые иногда их перекрывают. В них использован классический библейско-готский алфавит. Буква S имеет форму, напоминающую греческую сигму. Такое написание (т.н. Σ-ductus),

встречающееся в некоторых готских памятниках (Codex Ambrosianus B, купчая из Неаполя, свинцовая табличка из Бендекпусты), часто считается относящимся к более ранней стадии развития готского письма, которая была ближе к греческому прототипу, чем алфавит других кодексов с их латинообразным S [Marchand 1973, 15–16]. Сокращенная запись *nomina sacra* (*gb* = *gub* ‘бог’, *fa* = *fauja* ‘господь’) под титлом, которое хорошо видно в надписях I.1 и I.2, также следует традиции готской Библии. Пропуск *h* в группе *-rht-* в слове *frawaurts* (надписи I.2 и II.1) имеет прецедент в 2Кор 9, 9 (Codex Ambrosianus B), где мы находим форму *uswaurts* вместо грамматически корректного *uswaurhts*. Напротив, уникально сокращение долгого *i* в *weinagard-*, которое может быть диалектизмом.

Все граффити на двух мангупских фрагментах не могли появиться ранее середины IX в., что полностью совпадает с палеографической датировкой греческих надписей на камне (см. выше). Учитывая соседство с греческими граффити, датированными 2 половиной IX – 1 половиной XI в., готские надписи следует датировать не позднее, а учитывая отмеченный выше факт того, что готские надписи обычно предшествуют на камне греческим, даже чуть раньше. Таким образом, готские надписи с Мангула датируются достаточно узким промежутком между серединой IX и началом X в.

Из материала пяти готских граффити на двух фрагментах вторично использованного ранневизантийского карниза из мангупской базилики можно сделать следующие выводы.

1. Подтверждается присутствие готского языка в Горном Крыму в IX–X вв., употреблявшегося здесь наряду с греческим: эту ситуацию двуязычия хорошо отражает набор надписей на наших фрагментах.

2. Готский язык в Крыму был письменным, причем использовался на письме в разных целях: как для записи литературных текстов, так и для частных инвокаций и коммемораций.

3. Готская письменность была распространена на Мангупе, возможно, не только среди клириков, о чем говорит упоминание «виноградаря» и значительная палеографическая разница в исполнении литературной и инвокативных/коммеморативных надписей.

4. Впервые материально выявляется приход алфавита Вульфилы из Нижнего Подунавья в Крым и, вообще, его использование за пределами Италии и Паннонии, а также его практическое (не антикварно-ученое) применение после VI в., причем в архаичной разновидности, с Σ -образной буквой S.

5. Цитата из псалмов указывает на знакомство крымских готы с Библией Вульфилы, причем с ее почти полностью утраченной ветхозаветной частью, и впервые дает нам представление о Псалтири Вульфилы.

6. Литургические тексты среди готских надписей Мангупа свидетельствуют о существовании в Крыму богослужения на готском языке, причем византийского типа, что согласуется с существованием здесь Готской епархии Константинопольского патриархата, среди клириков которой были, соответственно, и готы/носители готского языка.

7. Знакомство с алфавитом и Библией Вульфилы показывает, что крымские готы были, по крайней мере, в ранневизантийскую эпоху, частью готского культурного мира, с которым его связывали готы Нижнего Подунавья, жившие там еще в IX в.

8. Практически полностью отсутствуют различия между библейско-готским и языком мангупских надписей, в т.ч. инвокативных/коммеморативных, составленных ad hoc, — напротив, выявляются сближения даже с отдельными списками готской Библии (Codex Ambrosianus B).

9. Изысканные и даже манерные формы некоторых букв в надписи I.1, стоящие в прямой связи с сохранившимися готскими рукописями, заставляют предполагать здесь руку опытного книжного писца, что указывает на существование в Крыму готского рукописания.

10. Судя по сходству формул, эпиграфическая культура крымских готов была близка к местной византийской.

Кроме того, важно отметить, что для автора граффито I.1. важно было начать третью строку не с нового стиха, а со второго его слова, начинающегося с буквы I. Этот факт можно объяснить только одним образом: акrostих в первых четырех строках содержит греческую формулу $\Theta(\epsilon\delta\varsigma) \text{ } \text{I}(\eta\sigma\omicron\upsilon\delta\varsigma)$ «Бог Иисус», выполненную готскими буквами, причем готская $\text{H}\mu$ в первой строке выполняет роль греческой фиты из-за графического сходства этих букв.

Дополнительный смысл такого написания помогает раскрыть другая, ранее не публиковавшаяся трехбуквенная готская надпись из Бахчисарая. Несмотря на то, что бахчисарайская надпись не может быть точно датирована по палеографии, соседство с крымскотатарской тамгой и одинаковая техника их исполнения говорят скорее в пользу ее позднесредневекового происхождения, т.е. ближе ко времени Бусбека. В таком случае это оказывается самым поздним памятником готского письма в Крыму.

Загадочное трехбуквенное сочетание $\Sigma\Theta\text{I}$ не может быть объяснено ни как словоформа готского или греческого языка, ни как значимое число, несмотря даже на черту над последней буквой. Оно может быть понято как греческая формула $\Sigma(\omega\tau\eta\rho) \text{ } \Theta(\epsilon\delta\varsigma) \text{ } \text{I}(\eta\sigma\omicron\upsilon\delta\varsigma)$ «Спаситель Бог Иисус», вариация более известной $\text{I}(\eta\sigma\omicron\upsilon\delta\varsigma) \text{ } \text{X}(\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma) \text{ } \Theta(\epsilon\omicron\upsilon) \text{ } \text{Y}(\iota\omicron\varsigma) \text{ } \Sigma(\omega\tau\eta\rho)$. Подобные формулы, отражающие догмат Никейского собора в противовес учению Ария о подчиненном статусе Иисуса относительно Бога-Отца, в надписях готского происхождения в Крыму можно трактовать как эхо никейско-арианской полемики. По нашему мнению, ситуация с использованием готами-никейцами арианского по происхождению перевода Библии и алфавита уходит своими корнями в политику Константинопольского патриарха Иоанна Златоуста по обращению оставшихся на востоке готов в никейство.

2. Греческая эпиграфика на Руси X–XII вв. и ее влияние на древнерусскую

Статьи, выносимые на защиту: [Виноградов 2018; Виноградов, Гиппиус, Кизюкевич 2020].

4.1. Греческая эпиграфика на Руси X–XII вв.

Уже давно исследователи отмечали наличие в древнерусских храмах домонгольского периода не только славянских, но и греческих граффити, однако до последнего времени они не становились предметом специального изучения. Греческие граффити Св. Софии Киевской изданы не без серьёзных недостатков. Греческие же граффити в других храмах вообще практически не изучались и остаются зачастую неизвестны исследователям. Особенно интересны те греческих граффити, которые отступают от стандартных формул и имеют в некотором роде «литературный» характер, т.е. являются цитатами или достаточно пространными текстами, сочинёнными *ad hoc* [подр. см. Прил. 9].

К ним относится фрагмент из Десятинной церкви в Киеве X–XI вв. с цитатой из Пс 78, 10 (= 113, 1): [Μήποτε εἴπωσιν τὰ] ἔθνη· π]οῦ ἔστην [ὁ θεὸς αὐτῶν;] «Да не скажут народы: Где Бог их?». Нельзя исключать, что оно как-то связано с историческими событиями. Греческих граффити в Св. Софии Киевской всего 80 [Евдокимова 2008]: это прошения-инвокации (обращенные к Христу и святым), поминальные записи имен, подписи к изображениям и цитаты из молитв и песнопений; отсутствуют записи актового характера и с упоминанием различных событий, которые встречаются здесь в большом числе по-славянски (а вторые — и в двуязычных надписях Болгарии). Из них особенно следует выделить «литературные» граффити: № 74 и № 75–76, представляющие собой сочинённые *ad hoc* молитвы, которые были выполнены греком, посетившим Киев около 1276 г. Греческие граффити Св. Софии Новгородской менее многочисленны (всего 10); две надписи имеют «литературный» характер: сокращенная цитата из Пс 7, 2 и цитата из Быт 20,

4. В руинах Борисоглебского собора Старой Рязани конца XII в. был найден фрагмент граффито с греческой инвокацией.

На примере всего нескольких греческих граффити в домонгольских храмах мы видим, что на стенах русских церквей процарапывались не только отдельные слова и инвокации, но и цитаты из Священного Писания, и даже самостоятельно составленные молитвы. В большинстве случаев минускульные почерки выдают руку опытного писца, видимо, греческого происхождения.

Впрочем, существуют и несколько граффити, где греческий текст написан явно русским человеком и, более того, иногда даже кириллицей (например, в Софии Новгородской: о херетис < ὁ χερετισ(μός) и типерб махостратиго < Т(ῆ) ἡτερμάχο στρατηγο). Аналогичный феномен записи греческих песнопений кириллицей известен в Болгарии [Popkonstantinov, Kronsteiner 1994, 179–182]. Таким образом, мы видим, что греческий язык в граффити использовался в домонгольской Руси не только самими греками или другими лицами, писавшими по-гречески, но и теми русскими людьми, кто пытался записать кириллицей греческие тексты. Всё это свидетельствует о достаточно широком знакомстве с греческим языком в домонгольской Руси XI–XII вв. Однако следует помнить, что на Руси этого периода нет памятников греческой лапидарной эпиграфики, в отличие, например, от Болгарии эпохи I Болгарского царства, хотя имеется большое количество грекоязычных печатей.

4.2. Влияние греческой эпиграфики на древнерусскую

Отдельный интерес представляет влияние греческой эпиграфики на древнерусскую. Общепризнанно, что из Византии происходят наиболее частотные формулы древнерусских надписей, типа «Господи помози» и т.п., попавшие на Русь, возможно, через южнославянское посредство. Более редкий случай такого воздействия — граффито № 1541 из Св. Софии Киевской о ее освящении митрополитом Ефремом 4 ноября 1052 г. [Гиппиус 2016], а точнее о ее *переосвящении*, причины которого крылись в церковно-канонической

ситуации того времени, связанной с постановкой Илариона русскими епископами, без санкции Константинополя. Единственная русская надпись об освящении храма была выполнена в рамках деятельности митрополита-грека, желавшего введением памяти переосвящения Св. Софии Киевской увековечить свой триумф над «неканоничным» митрополитом-русином. Это обстоятельство становится вполне понятным, если мы прием во внимание, что практика выбора освящения храмов в домонгольской Руси находилась вполне в русле средневизантийской традиции. Текст надписи, не имеющей аналогов в русской эпиграфике, точно воспроизводит формулу византийских надписей об освящении храмов, которые, в свою очередь, восходят к литургическо-документальным формулам освящения.

Другой пример аналогичного влияния мы видим в надписи на плинфе второй половины XII в. из раскопок на Замковой горе Гродно с текстом Пс 45: 6, который до этого в эпиграфике Руси был известен только в греческой версии на мозаичной надписи над конхой центральной апсиды Св. Софии в Киеве. На его появление там повлияла византийская эпиграфическая традиция, отразившаяся в т.ч. в гл. 14 «Сказания о Великой церкви» (IX в.), согласно которой император Юстиниан использовал плинфы с такой надписью для больших подпружных арок и купола Св. Софии Константинопольской. Конечно, ни на каких ее кирпичях Пс 45: 6 не отпечатан, однако его связь с идеей устойчивости храма заставляла средневизантийских строителей действительно писать этот стих на плинфе. Такой кирпич неизвестного происхождения хранится в Стамбульском археологическом музее: первое полустишие Пс 45: 6 выполнено от руки по сырой глине и датируется временем не ранее X в., представляя собой прямую аналогию гродненской плинфе. Трудно сказать, возникла ли эта традиция в Византии под влиянием «Сказания» — или же последнее отразило современную его созданию эпиграфическую практику, спроецировав ее на эпоху Юстиниана. На Русь традиция «строительного» использования Пс 45: 6 вряд ли была занесена литературным путем. Связывать ее со славянским переводом сказания, время

появления которого неизвестно, оснований нет. Греческая мозаичная надпись в киевском кафедрале также вряд ли могла навести древнерусских мастеров на мысль писать тот же текст на кирпичах по-славянски. Полагаем, что прямую параллель между стамбульской и гродненской плинфами можно объяснить лишь непосредственной преемственностью строительных и эпиграфических практик.

Заключение

Сравнение традиций использования греческого письма в различных регионах на северной периферии византийского мира выявляет как различия, так и сходства между ними.

Радикально от других регионов отличается Северное Причерноморье, где большинство населения в византийский период было грекоязычным, и потому греческая эпиграфика была наиболее распространена, хотя в Горном Крыму и сосуществовала с готской. В Лазике и Абхазии до образования объединенного Грузинского царства в начале XI в. греческий также был основным языком богослужения и письменности, хотя подавляющее большинство населения здесь (кроме, возможно, нескольких прибрежных полисов) говорило на предке абхазского языка и картвельских языках (предках сванского, мегрельского и лазско-чанского), не имевших, однако, собственной письменности. То же самое касается и позднесредневековой Кабарды. В Алании существование греческого богослужения и письма привело, напротив, к возникновению практики записи коротких текстов на аланском греческими буквами, что облегчалось индоевропейской (иранской) фонетикой аланского языка (в отличие от соседних, адыгских и нахских, с их богатейшим консонантизмом). Наконец, в домонгольской Руси греческий, пришедший сюда как язык Церкви, стал играть скромную роль на фоне церковнославянского и древнерусского, особенно с момента активного развития письма на них в середине XI в. Впрочем, везде мы видим активное распространение греческой письменности в рамках миссионерской эллинизации «варваров» [см. Иванов 2003]. Однако при отсутствии политической зависимости от Византия и при наличии местного письменного языка сфера применения греческого языка через некоторое время после христианизации значительно сокращается (в отличие от Болгарии).

С другой стороны, на всей северной периферии византийского мира прослеживаются случаи влияния развитой греческой письменности на местные письменные культуры. Так, на Северном Кавказе греческое письмо

адаптируется для записи текстов, причем именно христианских, не только на аланском, но и на некоем тюркском языке. В Горном Крыму мы наблюдаем использование в готской эпиграфике формул греческих надписей и даже греческих акронимов, имевших богословское значение и восходящих, возможно, еще к рубежу IV–V вв. Наконец, в домонгольской Руси греческая эпиграфика влияет не только на формулы надписей, но даже на появление целого типа надписей — об освящении храма, тесно вписывающегося в контекст деятельности греческих иерархов на Руси.

Что же касается перспективы сравнительного исследования проанализированного нами материала, то, при всей его специфики, представляется перспективным его сопоставление с типологически схожим средневековым феноменом использования греческой письменности на славянских Балканах. С одной стороны, здесь обнаруживается ряд существенных и даже сущностных параллелей: не только влияние типов и формул греческих надписей на локальные (славянские на Балканах и Руси, готские в Горном Крыму), но и проникновение греческих слов и выражений в эпиграфику на местных языках (славянскую на Балканах и Руси и готскую в Крыму) и, наоборот, из последних — в греческие надписи (из тюркского в «протоболгарских» надписях [Beševliev 1963] и из аланского в эпиграфике Алании). С другой стороны, выявляются и значимые различия в процессах адаптации греческой письменности: так, нигде более не известен балканский феномен двуязычных, греко-кириллических надписей, обычно с дублированием текста [Popkonstantinov, Kronsteiner 1994, 129, 141, 153, 181, 187, 215; *idem* 1997, 51], восходящий, очевидно, к славяно-греческому двуязычию в Болгарии, в т.ч. актовому, богослужебному и рукописному [Попконстантинов 2006; Popkonstantinov, Kostova 2006; Petkov 2008] (ср. также кириллическо-армянскую надпись [Popkonstantinov, Kronsteiner 1997, 199]), и связанный со статусными претензиями болгарских царей. Впрочем, следует учитывать, что некоторые явления такого рода могут быть сугубо локальными, как, например, специфичная только для Кабарды адаптация

греческого текста к фонетике местного языка, чего не происходит, например, в «протоболгарских» надписях [Beševliev 1963, 28–30].

Итак, на уровне теоретического обобщения мы можем выделить три базовых типа регионального использования греческого письма в иноязычной среде на северной периферии византийского мира. Первый тип (Лазика, Абхазия до середины XI в.) характеризуется использованием греческой как единственной письменной культуры (включая богослужение), в т.ч. конституирующей идентичность местных элит, почти без всякого контакта с местной языковой средой (даже в именовании). Для второго типа (Алания, Кабарда), где греческое письмо также остается единственным, свойственно, однако, с одной стороны, его приспособление для нужд местных языков (аланского, тюркского), а с другой, активное проникновение в греческие тексты местных реалий (ономастические конструкции, титулы и т.п.) и фонетики (в Кабарде). Третий тип отличает сосуществование двух письменных культур, греческой и местной: готской в Горном Крыму, кириллическо-глаголической на Руси (как и на Балканах), при значительном влиянии первой на вторую, но не наоборот. В свою очередь, Северное Причерноморье, где (кроме Горного Крыма) греческий оставался долгое время единственным письменным языком преимущественно грекоязычного населения, также демонстрирует значительное влияние негреческих реалий на греческую письменность, как и в вышеописанном втором типе ее функционирования в иноязычной среде.

Список литературы

1. Виноградов А. Ю. Новооткрытые греческие христианские надписи из Северного Причерноморья и вопрос о статусе пещерных обитателей в Горном Крыму // Миры Византии (ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ; 2). Симферополь, 2019. С. 331–356.
2. Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII — X в. М., 2015.
3. Ганина Н. А. Крымско-готский язык. СПб., 2011.
4. Гиппиус А. А. К прочтению надписи № 1541 Софии Киевской // Восточная Европа в древности и средневековье. XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 20–22 апреля 2016. М., 2016. С. 79–81.
5. Евдокимова А. А. Корпус греческих граффити Софии Киевской на фресках первого этажа // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 г. М., 2008. С. 465–518.
6. Иванов С. А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из "варвара" христианина? М., 2003.
7. Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 58. Пг., 1915. С. 28–39.
8. Малахов С. Н. Алания и Византия. Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. Избранные статьи. М., 2015.
9. Малахов С. Н. Аланская митрополия и аланы в письменных источниках конца 1390-х – 1470-х гг. // ЛЕПТОН: Сборник статей в честь археолога Алексея Васильевича Пьянкова / ред.-сост. С. Н. Малахов. Армавир, Краснодар, 2018. С. 91–92.
10. Помяловский И. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881.
11. Попконстантинов К. Приложение къ книгъ и гръцкият език в средновековна България (по епиграфски данни) // Византия — Балканите — Европа.

- Изследвания в чест на проф. Василка Тъпкова-Заимова (*Studia Balkanica*; 25).
София, 2006. С. 413–422.
12. Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. IV–VII вв. М., 2002.
13. Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar* / Éd. C. Zuckerman. P., 2006. P. 69–86.
14. Beševliev V. Die protobulgarische Inschriften. Berlin, 1963.
15. Beševliev V. Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien. Berlin, 1964.
16. Bulgakova V. Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa: die Funde auf dem Territorium Altrusslands. Wiesbaden, 2004.
17. Holton D. et al. *The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek*. Vol. 1–4. Cambridge, 2019.
18. Kauchtschischwili T. *Korpus der griechischen Inschriften in Georgien*, 3. Aufl., bearb. von L. Gordeziani, Tbilisi, 2009.
19. Lubotsky A. Alanic Marginal Notes in a Greek Liturgical Manuscript (*Veröffentlichungen zur Iranistik*; 76). Wien, 2015.
20. Marchand J. W. *The Sounds and Phonemes of Wulfila's Gothic* (*Janua Linguarum. Series Practica*; 25). The Hague, 1973.
21. Morss C. Byzantine Letters in Stone // *Byzantion*. 2003. Vol. 73.2. P. 488–509.
22. Petkov K. *Voices of medieval Bulgaria, seventh-fifteenth centuries: the records of a bygone culture (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450; 5)*. Leiden–Boston, 2008.
23. Popkonstantinov K., Kostova R. Literacy, Literature, and Liturgy in Bulgarian Monasteries of the ninth to tenth centuries // *Love of learning and devotion to God in orthodox monasteries*. Beograd–Columbus, 2006. P. 142–163.
24. Popkonstantinov K., Kronsteiner O. Старобългарски надписи. *Altbulgarische Inschriften*. Bd. 1–2 *Die Slawischen Sprachen*; 36, 52). Wien, 1994–1997.
25. Reineggs J. *Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus*. Hrsg. v. F. E. Schröder. Gotha; St. Petersburg, 1796. Bd. 1.

- 26.Stefec R. Aspekte griechischer Buchproduktion in der Schwarzmeerregion // Scripta. 2014. Vol. 7. P. 205–234.
- 27.Zgusta L. The old Ossetic inscription from the river Zelenčuk (Veröffentlichungen der Iranischen Kommission = Sitzungsberichte der österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse; 486). Wien, 1987.
- 28.Νυσταζοπούλου Μ. Γ. Η εν Ταυρική χερσονήσω πόλις Σουγδαία από του ΙΓ' μέχρι του ΙΕ' αιώνας, Αθήνα, 1965.